

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2022.83.44.007

НАРТОВСКИЕ СКАЗАНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ

Л.А. Чибиров

Статья посвящена исследованию нартовских сказаний у народов Дагестана. Анализ работ российских исследователей П.К. Услара, У.Б. Далгат, А.Д. Аджиева, М.Р. Халидовой, А.М. Ганиевой и др. не оставляет сомнений в слабой степени распространенности нартовских сказаний и в бытовании на территории Дагестана особого жанра Нартиады – сказок, в которых главными героями выступают нарты – великаны. Несомненно, что дагестанские сказки являются отзвуком Нартовских сказаний, с которыми были знакомы средневековые предки народов Дагестана. По мнению автора, сюжетное сходство Нартовских сказаний осетин и дагестанских сказок о нартах-великанах, а также наличие нартовской антропонимии в аварском и кумыкском фольклоре, являются следствием разносторонних алано-дагестанских культурно-исторических (в том числе этнографических и языковых) контактов, зафиксированных различными источниками. Свидетельством таких контактов автор считает и наличие в лексическом фонде дагестанских языков (особенно аварском) около 100 слов, которые специалисты относят к аланизмам. Предпринятый в настоящей статье анализ фольклорного материала позволяет сделать вывод о прямой зависимости степени распространения Нартовских сказаний на территории Дагестана от географической близости отдельных районов с Аланией. Наибольшая сохранность эпоса отмечена в плоскостной (кумыкской) среде, более слабая – в предгорной зоне, в этнической среде аварцев, даргинцев, лаков; самые слабые следы обнаруживаются в горной части и полное их отсутствие зафиксировано в отдаленном Южном Дагестане. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении большого числа параллелей между нартовскими сказаниями осетин и нартовскими сказками отдельных народов Дагестана. Выявленные параллели подтверждают идею периферийности территории Дагестана в распространении Нартиады, которое проходило на восток от аланского эпицентра, расположенного в Центральном Предкавказье.

Ключевые слова: алано-дагестанские культурные контакты, Нартиада, Дагестан, сказания, сказки, аналоги.

Нартовские сказания, как известно, распространены у многих народов Кавказа, но в разной степени, которая определяется наличием циклов, количеством сказаний и их вариантов. В фольклоре народов Дагестана не обнаружены циклы, многие известные герои и сюжеты Нартиады. На относительно слабое распространение Нартовского эпоса среди народов Дагестана первым обратил внимание известный русский ученый-кавказовед П.К. Услар: «В Дагестане Нарты служат общим названием для обозначения великанов, иногда добрых, чаще злых, но всегда безмянных, подобно тому, как у нас (в России. – Л.Ч.) в сказках безмянные добрые и злые волшебницы вмешиваются в людские дела. Напротив, у осетин и кабардинцев в самом сердце Кавказа, Нарты сами служат героями песен и сказок; каждый Нарт не только назван по имени, но известна и родословная его» [1, 28].

В Научном архиве СОИГСИ в фонде «Фольклор» хранится рукопись «Основные сюжеты нартских сказаний народов Предкавказья и Закавказья», подготовленная известным фольклористом-кавказоведом У.Б. Далгат. С этой темой Узденят Башировна выступила и на нартведческом совещании во Владикавказе в 1956 г., подготовленном при участии ИМЛИ РАН. В руко-

писи приведен раздел об основных сюжетах Нартовских сказаний народов Дагестана, в котором подтверждены воззрения П.К. Услара о степени распространения Нартовских сказаний на территории Дагестана по маршруту: западная часть (кумыки) – восточная часть (аварцы, лаки, даргинцы) – горная зона (агулы) – Южный Дагестан. При этом У.Б. Далгат подчеркивает, что по мере удаления Нартовских сказаний от центра распространения, в них отмечалось не только забвение традиционных нартских имен, но и значительная деформация или полное исчезновение отдельных сюжетов. Этот тезис подтверждает, что в распространении Нартовских сказаний Дагестан является периферийной территорией, на юге которой их практически нет.

Однако в Дагестане известны нартские сказки, в которых сохранились эпические сюжеты, типичные для осетинского Нартовского эпоса.

Итак, анализ работ П.К. Услара, Б.К. Далгата, У.Б. Далгат и Ж. Дюмезиля подтверждает факт неравномерного распространения сказаний в отдельных регионах и среди разных народов. На дагестанском материале доказана «закономерность угасания традиции нартского эпоса по мере отдаления его от центра бытования» [2, 159–160].

Этим эпическим центром была Алания – крупное государственное объединение в Центральном Предкавказье.

Как известно, активная фаза формирования нартовских сказаний проходила в I тыс. н.э., когда Алания распространила свои границы по обе стороны от Центрального Предкавказья. По свидетельству Аммиана Марцеллина, аланы, численность которых достигала нескольких миллионов, занимали почти все степи на север от кавказских гор до реки Дона, и почти все главные горные ущелья от Эльбруса и до южного Дагестана [3, 162]. О присутствии аланского населения в кумыкской степи и на территории восточного горного Дагестана писал известный кавказовед А.В. Гадло [4, 164, 173, 183, 187, 212].

Алания и Дагестан не только соседствовали: влияние алан испытали государственные образования раннефеодального типа на территории современной Аварии (Серир) и Лакии (Лакванну), и весьма слабо в Южном Дагестане, который стал границей в распространении нартовских сказаний. Известный путешественник Масуди (X в.) помещает Аланию между Сериром на востоке и кашаками (адыгами) на западе [5, 204–206]. Следовательно, в восточном направлении от Центрального Предкавказья наибольшее распространение нартовские сказания по-

лучили у непосредственных соседей – ингушей, затем у восточных соседей – чеченцев и проникли в Дагестан. Внутри самого Дагестана нартовские сказания более известны у непосредственных соседей бывшей Алании в северном и нагорном Дагестане с существенным ослаблением с севера на юг Дагестана.

Наиболее тесными были отношения правителя Алании с княжеством Серир: «Между царем алан и царем Серира существовали брачные связи: каждый из них был женат на сестре другого... родственные отношения между правителями Серира и Алании могут быть поняты как установление политического союза этих образований против хазарского владычества в междуморье» [4, 180].

Добрососедские отношения оставили след и во взаимодействии культур. На земле лакцев имеется священная гора Вацила, которая Л.И. Лавровым, А.Г. Булатовой и Л.А. Чибировым [6, 258; 7, 67; 8, 58] отождествляется с одним из важнейших небожителей в пантеоне осетин – патроном хлебных злаков и урожая небожителем Уацилла. В лакском предании «Любовь нартов» основание горы Вацилу приписывалось Нарту Бархху. Гора стала священной и превратилась в чудесную сверхъестественную силу [2, 166–167]. Идентичны аланским /осетинским обряды ритуальной пахоты, маги-

ческого вызывания дождя, обычай оставления нескошенным последнего небольшого участка нивы.

Аланы оставили в Дагестане и лингвистические следы своего пребывания, о чем свидетельствует наличие индоевропейских слов в некоторых наречиях. Так, дагестанский лингвист К. Микаилов установил в лексическом фонде дагестанских языков, особенно аварском около 100 слов, которые квалифицируются как аланизмы [9, 131–140]. Также К. Микаилов отметил аланский вклад в аварскую антропонию (Урузмаг, Косерхан, Цахил, Дудар) [10, 22]. Примечательно, что имя Урузмаг в XVII в. фиксируется у аварцев, становясь женским. Не чужда была нартовская антропонимия и кумыкам: Сосран, Сосурай, Батраз, Батраш, Батырев, Батрай, Тотраз, Бвтин, Нарчау, Шавай, Нартай и др. В дагестанской хронике «Дербент-Наме» упоминался правитель Малого Маджара Батрас в начале 20-х гг. VIII в. Таким образом, алано-дагестанское историческое и культурное взаимодействие представляется неоспоримым.

Кумыкия территориально входила в состав Аланского государства, что позволяет предполагать ее близкое знакомство с «нартским миром». Исследования А.Д. Аджиева подтверждают большую популярность нартов у кумыков [11]. Не случайно

западная плоскостная полоса, заселенная кумыками, отличается самой высокой степенью распространения Нартовских сказаний.

У кумыков Нартовский эпос представлен *йыром* (песней. – Л.Ч.) о героях-нартах Карт-Кожаке и Максумане. Йыр «посвящен подвигу воинственной нартовской девушки по имени Максуман, которая побеждает героя Кожак (или Картожака), пытавшегося угнать у нее табун лошадей» [12, 167]. У кумыков сохранились неполные версии сказаний, сказки о нартовской «Девушке-Луне» и о Кукай-батыре, трусливом глупце, обманувшем нартов, о многоголовых чудовищах. В них упоминаются сорок нартов (реже семь или девять), которые не похожи на простых людей, сильны и могущественны, но не отличаются умом. Их было легче победить не силой, а превосходством ума и хитростью. В кумыкской плоскости «нартские герои теряют не только свои традиционные эпические имена, но зачастую и свою героичность, превращаясь в простых людей» [12, 166].

В осетинских сказаниях велика роль женщины-воительницы, некой «амазонки» (Дочь Даргафсара). В кумыкских сказках воинственные женщины одолевает целое войско [11, 10]. Они сильные, храбрые, занимаются не женскими видами домашнего хозяйства, а мужскими,

например, пастушеством, охраной нартовских табунов [12, 167].

Следует согласиться с тем, что «у кумыков нет традиционного нартского эпоса с его нартской номинологией, цикличностью, генеалогичностью и прочими традиционными особенностями, имеющимися в эпосе кабардинцев, осетин и др. народов, а имеются только его отзвуки, получившие своеобразные формы» [12, 169].

В фольклоре народов Нагорного Дагестана (аварцев, лакцев, даргинцев) нарты упоминаются только в сюжетных сказках, их образы уже не соотносятся с Нартовским эпосом. У.Б. Далгат отмечала, что в нагорном Дагестане Нартовский эпос переродился в сказки, и это накладывало отпечаток на героев Нартовских сказаний, меняющий самую сущность облика нартов [12, 174]. Здесь влияние Нартовского эпоса слабее, нарты-великаны своеобразные, отличные от их образов у кумыков.

В фольклоре народов Горного Дагестана нарты выступают как безымянные великаны, они не являются центральными сказочными героями.

И наконец, в фольклоре народов Южного Дагестана (лезгины, таты, табасаранцы, рутульцы, цахуры), по мнению П.К. Услара, нарты вовсе не упоминаются. Это подтверждается и современными исследовате-

лями устного народного творчества народов Дагестана. В монографии М.Р. Халидовой «Мифологический и исторический эпос народов Дагестана» (глава «Мифологические мотивы в нартских повествованиях и сказках») отдельным параграфом представлены «Нартские сюжеты», которые строятся преимущественно на сюжетах и образах сказаний и сказок кумыков, аварцев, даргинцев и лаков [2].

В монографии А.М. Ганиевой, посвященной фольклору лезгин, проживающих на юге Дагестана, особо выделены богатырские сказки о «Ширвили», свидетельствующие о бытовании у лезгин героического эпоса, никак не связанного с Нартовскими сказаниями [13, 134–150, 236]. Да и в специальной работе У.Б. Далгат, посвященной Нартовским сказаниям народов Дагестана, народы Южного Дагестана не обозначены [12].

Точку зрения П. Услара о нартах разделял его современник, известный краевед Б. Далгат. В противовес ученым, которые считали нартский эпос народов Дагестана местного происхождения, они признавали его заимствованным явлением в фольклоре Дагестана. Это мнение основано на бесспорном тезисе: нартские сказания зафиксированы в Дагестане в своеобразной форме.

У.Б. Далгат отмечала: «По мере удаления нартских сказаний от их центра распространения... в них наблюдается не только забвение традиционных нартских имен, но и значительная деформация или полное исчезновение нартских сюжетов» [12, 163]. При этом, как было отмечено выше, в Нагорье Дагестана эти сказания трансформировались в сказки. Дагестан был той территорией, «на которой затухал и сливался с фольклором иного характера нартский эпос Северного Кавказа» [12, 174]. По мнению У.Б. Далгат, бытование Нартовского эпоса в форме сказки вовсе не говорит в пользу его оригинального происхождения.

Кроме того, дагестанские нарты лишены характерных особенностей традиционных нартских героев, они «действуют в сказочной среде, в отличие от эпических нартов; сказочные нарты никогда не воспринимаются в этно-историческом значении. Они не выступают ни в роли аборигенов, ни в роли родоначальников фамилий или родов» [14, 69].

Существенная разница состоит в том, что «в отличие от сказок, нартские героические сказания, несмотря на древнемифологические элементы, отличаются тесной связью с общественной жизнью, особенно с социальной и материальной культурой, географией, топонимикой и т.д. тех народов, у которых они создава-

лись и бытовали» [14, 69]. Важно отметить отсутствие социокультурного контекста: с дагестанскими нартами не соотносятся традиционные элементы материальной культуры, как, например, полтора десятка нартских ныхасов в горной полосе Северной Осетии [15, 282–309].

Вместе с тем, в сохранившихся нартских сказках зафиксированы эпические сюжеты, типичные для осетинского эпоса. Многие дагестанские сказки являются отзвуком нартских сказаний осетин, их прямой аналогией, что подтверждается многочисленными параллелями.

Представляем наиболее характерные из них.

Как и в осетинских сказаниях, великаны в дагестанских сказках громадного роста, они сильнее, могущественнее, но глупее людей, побеждают их не силой, а умом и хитростью, обладают житейским разумом обыкновенного находчивого человека – представителя народа.

Известное нартское сказание осетин «Как Сослан / Созырыко одолел великана Мукара» имеет прямую аналогию с аварской сказкой «На горе нартов». В лютую зиму Сослан погнал нартские стада на богатые пастбища великана Мукара. Увидев чужую скотину в своих владениях, Мукара в ярости крикнул на Сослана: «Что за пес, что ты за осел, что смеешь пасти свой скот

на моей земле!». Сослан представился великану простым работником, пастухом Сослана. Мукара стал расспрашивать его о знаменитом нарте Сослане, о его играх, насколько он силен и опасен, и закончил обращением к «пастуху»: «Не знаешь ли ты, в какие игры любит играть Сослан?». В ответ «пастух» придумывал самые сложные игры, в которые якобы играет Сослан. И великан их без напряжения исполняет: поставить шею и просить «пастуха» ударить по нему изо всех сил, ловить ртом пушенные «пастухом» стрелы и выплевывать их, подставлять лоб под каменные глыбы. Наконец он выполняет очередное условие игры, предложенной Сосланом: влезает в море и ждет, пока лед на его голове достигнет условленной толщины, чтобы потом проломить его и выбраться наружу. Тут же по молитве «пастуха», обращенной к Богу, над головой великана замерзает лед такой толщины, что тому удается только высвободить голову. Собственным мечом великана Сослан отрубил ему голову и, забрав все его имущество, вернулся к нартам [16, 125–131].

В аварской сказке «На горе нартов» герой-молодец отправляется во владение нарта-великана. Тот, увидев незнакомца, говорит ему: «Птицы даже не смеют останавливаться на моей горе, а ты, человеческий сын, как посмел прийти сюда?» Ге-

рой бросились друг на друга в решительной схватке, которую выиграл герой-молодец. На второй день он вновь отправился на «зеленую гору». На вопрос встретившего его нарта, откуда и зачем он прибыл к ним, ответил: «Потому-то пришел сюда, что ищу с кем сразиться». Чтобы убедиться в храбрости нарта, герой-молодец дает ему сложные, связанные с риском для жизни, задания (с разбегу броситься на острый камень, бросить вверх стальной брус и поймать его рукой и др.), которые нарт-великан без труда исполняет. Затем схватились они врукопашную, и после долгой напряженной схватки нарт поднял героя-молодца высоко над головой и так бросил на землю, что тот по колени вошел в землю [14, 12–13]. Этот сюжет повторяется в лакской («Нарт Усун») и даргинской («Как сын бедняка женился на дочери хана») сказках. Аналогом к дагестанским сказкам можно считать осетинское сказание «Как Сослан женился на Косер»: «Разгневался он (Сослан. – Л. Ч.) и спрыгнул с вершины башни на землю. Камнем полетел он вниз – чем ближе к земле, тем быстрее. Достиг земли и со всей силы своего полета стремительно пробил ее насквозь» [17, 158].

В аварской сказке великан смиловился над героем-молодцом и, чтобы продемонстрировать еще раз свою силу, изъявил желание войти в

воду под лед и разбить головой лед пятидесятиметровый толщины. Когда нарт проник под лед, герой-молодец взмолился Богу, который удвоил толщину льда и нарту-великану удалось высвободить только голову, которую его же мечом отрубил герой-молодец [14, 12–14].

В сказке «Сын вдовы и семь нартов» одураченный нарт, вместо того, чтобы принести воду в буйволином бурдюке (что ему под силу), делает вид, что хочет перетащить всю речную воду. В другой сказке вместо того, чтобы принести выкорчеванное с корнем дерево, перевязывает верхушки деревьев, якобы для того, чтобы перетащить к нартам весь лес [2, 172].

Великаны были сильны и могущественны, но слабы умом. Герой осетинской сказки «Фæныгуыз» справился с великаном силой своего ума. Герой сказки «Сын вдовы и семь нартов» ловко одурачил великанов; вместо того чтобы принести нартам воду в буйволином бурдюке (что ему не под силу), он сделал вид, что хочет перетащить всю речную воду. В другой раз, чтобы приволочь выкорчеванное с корнем дерево, он перевязывал верхушки деревьев, якобы для того, чтобы перетащить к нартам весь лес. Нарты испугались такого силача, но все же решили состязаться с ним в силе.

Обнаружены и другие аналоги: знаменитое сказания о загробном путешествии Сослана и кумыкская сказка о нарте Аюв-Али, кумыкские и аварские аналоги к сюжету осетинского сказания о том, как нарты уговорили Сырдона зарезать своего барана, который поняв, что его одурачили, сжег их одежду [17, 287–288].

Во всех вариантах осетинского сказания «Гибель нартов» красной нитью проходит мысль, выраженная Урузмагом: «лучше всеобщая гибель, чем плохое потомство» [16, 486]. Аналогичная мысль содержится и в кумыкском сказании. «Как погибли нарты». Недовольные своей жизнью, тем как у них исчез берекет (изобилие), они подумали: «“Стоит ли нам жить?” ... и решили убить друг друга. С тех пор не стало нартов на земле» [11, 20–21].

В кумыкском сказании нарты также руководствуются принципами богатырства, заботой о воинской чести, высоким сознанием своего достоинства; они предпочли возвышенную смерть бесславной жизни – для гордых величественных нартов бесславная жизнь была невыносима. «Нарты порознь могут иметь недостатки, слабости, совершать недостойные поступки. А нарты как единое целое – это носители высоких достоинств, высокой нравственности» [2, 170]. И в лакской сказке «Как исчезли нарты?», потерпев поражение

ние, нарты попросили своего победителя превратить их в орлов [2, 70]. Согласно же аналогичного аварского сказания, нарты не погибают; исчезнув с земли, они продолжают жить в подземном мире, где обитают в огромных хоромах и знают обо всем, что творится на земле [2, 171].

Согласно сказанию «Завещание и мнимая смерть Сырдона», смерть Сырдона не была настоящей. Умирая, он просил, чтобы его не хоронили вблизи ныхаса. Нарты же назло похоронили его в самом центре ныхаса. С тех пор, если кто-то из нартов хотел доказать правдивость своих слов, обычно клялся Сырдоном («Если я лгу пусть стану конем для Сырдона»; «Пусть ты будешь посвящен Сырдоном» и др.). Поэтому его выкопали и бросили кости в реку; он ожил и вернулся к нартам [16, 211]. В татской «Сказке о Молла Насредине», Молла притворился мертвым, чтобы избежать ответственности за свои многочисленные долги. Его хоронят живым, оставляя (по его тайной просьбе) дыру в могиле. Когда окружающие убедились в его ложной смерти, он вернулся домой [18, 602–611]. Нечто подобное имело место в фольклоре кумыков и аварцев: жители родного аула бросают Насредину в море, но он возвращается живой и невредимый.

В дагестанском фольклоре, как и в устном народном творчестве мно-

гих народов Кавказа, весьма популярна сказка об одноглазом великане. При этом если в осетинской Нартиаде положительным героем выступал нарт Урузмаг, а его антагонистом одноглазый Кривой великан, обитающий на Черной горе, то в дагестанских, чеченских сказках и легендах циклоп назывался нартом.

В эпическом творчестве народов Дагестана и осетин встречается использование «ненартовских» сюжетов, их глубокое погружение в местную фольклорную традицию, обретение нартовских черт. В частности, речь идет об известном античном сюжете об одноглазом великане. Чтобы проиллюстрировать этот сюжет У.Б. Далгат проводит осетино-дагестанскую параллель. Будучи в очередном походе за добычей Урузмаг, увидев по пути отару овец, погнался за одним бараном, в результате чего попал в руки великана. Тот хотел на вертеле изжарить нарта, но нарт успел выжечь глаз спящему великану. Чтобы спастись от преследования, «Урузмаг схватил козла, содрал с него шкуру и сунул голову вместо его головы, ноги – вместо его задних ног, руки – вместо передних ног» [16, 76] и, таким образом, сумел спастись от великана, заодно угонав и его скот. Аналогичные сюжеты имеются и в Дагестане. В одной аварской легенде «Гъадаробар» путник Али попал в плен к одногла-

зому нарту-гьадагаробару и, чтобы убежать от чудовищного нарта, сумел ослепить его острием железного лома [2, 160].

У.Б. Далгат приводит еще одну параллель об одноглазом великане. В результате кораблекрушения выжили лишь выброшенные на остров двое пассажиров. Здесь им встретился одноглазый великан, гнавший стадо. Они присоединились к великану и пришли в его пещеру. Тут великан одного схватил и зажарил на вертеле, второй же успел спрятаться. А когда великан уснул, тот раскалил железный кол и проткнул ему единственный глаз. Ослепший великан заревел, готовый растерзать своего гостя, но тот умудрился зарезать барана, снять с него шкуру, надеть на себя и на четвереньках покинуть пещеру [12, 164–165].

В осетинских легендах великаны – злейшие враги нартов, которым они всячески стараются напакоstitь. В отличие от них нарты-великаны Дагестана могут быть как злыми, так и добрыми. В одной аварской сказке высокий и широкоплечий нарт – великан представлен как сеятель добра. При всех невзгодах люди обращаются к нему, и он им помогает, освобождает их от аджаха-чудовища, который не позволял людям брать воду из источника [12, 156–157; 2, 161]. В сказаниях осетин таким освободителем от засевшего

в роднике дракона является богатырь или юный герой. «Осетинское предание о гидре у источника и дагестанские варианты о семиглавом чудовище, завладевшим источником и истребляющим жителей, самостоятельно и своеобразно развивали древние мотивы змееборчества» [12, 158]. М.Р. Халидова отмечала, что в современных дагестанских фольклорных записях нарты зачастую характеризуются как отрицательные персонажи [2, 173].

В известном нартовском сюжете о сакральном, одухотворенном мече Батрадза мы находим аналог не только в кельтском эпосе о короле Артуре, но и в дагестанском фольклоре. В лакском сказании «Почему море называется Черным» на нартов, живших на Кавказе, напали черные враги. С помощью огненного меча – дара бога огня, они сумели одолеть врага, и от пролитой вражеской крови море почернело; поэтому получило название черного моря [2, 167].

В одной дагестанской сказке [2,160] буквально копируется фрагмент из сказания «Безымянный сын Урузмага»: отпросившись у Барастыра, безымянный сын Урузмага целый день был на охоте со своим отцом и к вечеру (до захода солнца) спешил успеть вернуться в Страну мертвых.

«Урузмаг взрыдал и начал кричать ему:

– Пстой. Пстой! Дай еще раз взглянуть на тебя! Разве тебе жаль, чтобы я посмотрел на тебя еще раз?

– Некогда, нельзя, солнце заходит, откликнулся мальчик и ускакал.

И теперь, когда солнце заходит, облака бывают красны: это потому, что когда мальчик ехал назад к мертвым, то запоздал немного и просил солнце остановиться, пока он не въедет в ворота мертвых» [16, 69].

В нартовском эпосе осетин имеется сказание, в котором сообразительная на выдумку Шатана повесила штаны в трех штанинах на стенку башни, по которым она узнает количество войск противника [19, 207]. А вот и параллель из дагестанского фольклора: одна женщина, чтобы узнать, велико ли население Кадара, вывесила перед своей саклей штаны в трех штанинах [20, 36].

В дагестанском фольклоре имеются сюжеты, напоминающие известное осетинское сказание «Нарт Сослан ищет силу». Нарт Сослан искал более сильного, чем он. Испробовав всех нартов и оказавших сильнее других, он говорит: «Пойду-ка я искать по земле, с кем мне померяться силой». Побывав во многих местах и увидев существ сильнее сильного, он вернулся к нартам, и с тех пор у него отпало желание заниматься подобными поисками [16, 93–96].

Аналогичных сюжетов немало и в дагестанском фольклоре. Герой

ворвался во дворец, расположенный высоко в горах, и на вопрос хозяев -великан: «откуда и зачем ты явился на нашу гору, куда не смеет прилетать даже птица?», гордо ответил: «потому-то я и пришел сюда, что ищу с кем сразиться» [14, 13]. Братья-нарты бежали в страхе, от погони их спас одноглазый великан, который рассказал им, как потерял глаз: столкнулся с исполинским чабаном, от руки которого погибли шестеро его братьев.

В аналогичной кумыкской сказке «О богатырях-великанах» сильнейшего ищет хвастливый гигант. Сатирический оттенок имеет лакская сказка «Кто сильнее?», в которой избивающий жену приговаривает: «Есть ли на свете сильнее меня?» [21]. Эти же мотивы имеются в кумыкском сказании о нарте, ищущем мужчину сильнее его [11, 15–16].

Чтобы взять в жены девушку-красавицу, молодые люди из осетинских нартов проходили сложнейшие испытания, вплоть до путешествий в загробный мир. У дагестанских нартов также «эпический герой должен был доказать, что может выполнить трудное задание. И только после этого он может предъявить свои права на невесту» [2, 166].

Перекликаются и мотивы рождения эпических героев осетин и кумыков. В осетинских сказаниях после появления на свет младенец,

когда этого требовали обстоятельства, мигом взрослел и становился защитником чести семьи. Так, сразу повзрослел младенец Тотрадз, и на коне покойного отца сражался со знаменитым Сосланом, отстаивая честь своей семьи. Подобно им, в кумыкской сказке нарт Аюв-Али за неделю вырастает как другие за месяц, а за месяц – как другие за год [11, 13]. «Подвиги нарта Дюнк-Батырава больше напоминают подвиги героев богатырских сказаний... Имя нарта, по-видимому, восходит к общему для всего традиционного нартского эпоса имени Батраз» [11,7].

У осетинских нартов кладовые главной героини эпоса Шатаны переполнены яствами. В голодный год Урузмаг удрученным вернулся домой и рассказал жене, как его нарты страдают от голода. Шатана тут же распорядилась пригласить всех нартов домой и в течение двух недель угощала голодный люд из своих кладовых, богатых яствами. В аварском предании «Сестры-нарты» героиня выступает в роли хранительницы домашнего очага, изобилия. Жили сестры в соседних хуторах и у них было такое изобилие, что одна из них молоком полила мыла, другая – стены складывала из сушеного творога, третья – огонь разжигала сушеным мясом [2, 165]. В дагестанском фольклоре бытует и аналог осетинского сказания «Как

Урузмаг отослал Шатану в отчий дом» [11, 8; 16, 38].

В сказании «Собрание нартов» были устроены соревнования среди нартов и все три приза выиграл Батрадз [16, 268–271]. Подобные соревнования на лучший рассказ – популярный мотив дагестанских сказок и рассказов [22].

В большинстве сказок «живут нарты-великаны отдельно от народа, как правило, в лесах, в железных башнях, которые достигают верхушками неба и огорожены железным забором со стальными кольями; на заборе нередко насажены человеческие головы. Но нарты-великаны не людоеды» [14, 69]. В аварской легенде пересказывается эпический сюжет о встрече нарта Сослана / Батрадза с костяком или лопаткой исполина. Часто встречаются схожие мотивы о братьях и единственной сестре великанов, как правило, отличавшейся дивной красотой.

В осетинских нартских сказаниях исключительно велика роль коня, которого наделяли способностью владеть человеческой речью, быть верным советчиком своего хозяина-всадника. И в дагестанском фольклоре «нарт не мыслится без своего коня-помощника, который понимает человеческую речь» [2, 161].

В осетинских сказаниях первый конь – результат связи нартовской женщины и жеребца Уастырджи. В

дагестанской сказке конь также появляется на свет чудесным образом: от яблока из ханского сада (даргинская сказка). Аналогичны и сюжеты о женщинах воительницах. В одной кумыкской сказке легко распознать нартовский мотив: братьям-близнецам Ахсару и Ахсартагу соответствуют герои кумыкской сказки Арслан-хан и Батыр-хан.

В Дагестане положительный образ нарта сравнительно слабее, чем в Осетии и Кабарде, хотя и здесь «образ нарта – воплощение лучших общечеловеческих качеств: мужества, силы, воинской доблести, любви к своему народу и т.д.» [2, 161]. Положительный имидж нартов сохранился в сознании народов Дагестана. Наилучшая похвала – сравнить человека с нартом. «Вылитый нарт» – самая большая похвала для юноши. При произнесении проклятия говорят: «Пусть нарт оторвет тебе голову».

В монографии «Андийцы» дагестанский этнограф М.А. Агларов приводит интересные примеры почтительного отношения андийцев друг к другу: «Нарт, если можно, то зайди ко мне!», «Оставь, нарт» и т.д. Ушедшему в загробный мир обычно

желают: «Пусть будет среди нартов». По мнению ученого, эти формы обращений – дань историческим связям андийцев и алан [16].

Таким образом, алаано-дагестанские исторические контакты в эпоху древности и средневековья способствовали распространению культурных влияний, формированию общих черт в духовной культуре, особенно в фольклоре. Следует согласиться с мнением У.Б. Далгат о том, что «там, где культура и историческая деятельность алан проявлялась наиболее интенсивно, получил наибольшее развитие и самый нартовский эпос» [12, 161]. В фольклоре народов Дагестана, проживающих на его равнинной и предгорной территории (кумыкских, аварских, андийских, лакских и некоторых др.) зафиксировано наибольшее число аналогов с нартовскими сюжетами, в горной зоне и в Южном Дагестане их практически нет. Обнаруженные аналоги в нартовских сказаниях и дагестанских нартовских сказках подтверждают, что степень их распространения зависит от близости / удаленности от центра формирования Нартиады.

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1884. Т. IX. № 16. 979 с.
2. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала: ДНЦ РАН, 1992. 273 с.
3. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1990. 307 с.
4. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. 216 с.
5. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 265 с.
6. Лавров Л.И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг. // Сборник музея антропологии и этнографии. М.-Л., Б.м., 1953. Т. 14. С. 256–262.
7. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1988. 200 с.
8. Чибиров Л.А. К осетино-дагестанским этнокультурным связям // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2007. № 4 (12). С. 56–63.
9. Микаилов К.Ш. Аланский вклад в аварскую антропонию // Материалы пятой республиканской научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе: Сев.- Осет. НИИ, 1977. С. 132–140
10. Микаилов К.Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология. М.: Наука, 1972. С. 333–338.
11. Аджиев А.Д. Нартский прозаический фольклор кумыков и его место в кавказской нартиаде // Дагестанская народная проза. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1982. С. 4–23.
12. Далгат У.Б. К вопросу о нартском эпосе народов Дагестана // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, СОНИИ, 1957. С. 154–174
13. Ганиева А.М. Очерки устно-поэтического творчества лезгин. М.: Наука, 2004. 237 с.
14. Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды. Грозный: Грозненский рабочий, 2015. 639 с.
15. Скаков А.Ю. «Нартовские ныхасы» Кавказа // Миропонимание древ-

них и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Черенцова: Сборник статей. М.: Рос. акад. наук, Ин-т археологии, 2006. С. 282-312

16. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., Изд-во РАН, 1989. 492 с.

17. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.

18. Миллер В.Ф. Фольклор народов Кавказа. Тексты. Исследования. М., Наука, 2008. 997 с.

19. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, М.: Наука, 1976. 276 с.

20. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенный при содействии Императорского русского географического общества. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1884 г. 93 с.

21. Лакские народные сказки / Сост. Х.И. Халилов, Э.Ю. Кассиев. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 216 с.

22. Сатира и юмор народов Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1976. 400 с.

23. Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, Юпитер, 2002. 304 с.

Chibirov, Lyudvig A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); L.chibirov@mail.ru

NARTS' LEGENDS OF THE PEOPLES OF DAGESTAN: PECULIARITIES OF SPREADING AND EXISTENCE.

Keywords: *Alano-Dagestani cultural contacts, Nartiada, Dagestan, tales, fairy tales, analogues.*

The article is devoted to the study of Narts' legends among the peoples of Dagestan. The analysis of the works of Russian researchers P.K. Uslar, U.B. Dalgat, A.D. Adzhiev, M.R. Khalidova, A.M. Ganieva and others leaves no doubt about the low degree of prevalence of Nart's tales and in the existence on the territory of Dagestan of a special genre of Nartiada – fairy tales, in which the main characters are Narts – giants. Undoubtedly, Dagestani fairy tales are an echo of the Nart's sagas, with which the medieval ancestors of the peoples of Dagestan were familiar. According to the author, the plot similarity of the Narts' narratives of the Ossetians and the Dagestani fairy tales about the Narts-giants, as well as the presence of Narts' anthroponymy in Avar and Kumyk folklore, are a consequence of the diverse Alano-Dagestani cultural and historical contacts (including ethnographic and linguistic) recorded by various sources. The presence in the lexical fund of the Dagestani languages

(especially Avar) of about 100 words that experts refer to as Alanisms is interpreted by the author as the evidence of such contacts. The analysis of folklore material undertaken in this article allows us to conclude that the degree of distribution of Narts' tales in the territory of Dagestan is directly related to the geographical proximity of certain regions with Alania. The greatest preservation of the epic is noted in the planar (Kumyk) environment, the weaker – in the foothill zone, in the ethnic environment of the Avars, Dargins, Varnishes; the faintest traces are found in the mountainous part and their complete absence is recorded in remote Southern Dagestan. The novelty of the study lies in the identification of a large number of parallels between the Nart legends of the Ossetians and the Narts' tales of certain peoples of Dagestan. The identified parallels confirm the idea of the peripherality of the territory of Dagestan in the spread of Nartiada, which passed to the east of the Alan epicenter, located in the Central Ciscaucasia.

References

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Tiflis, 1884, vol. I, no. 16. 979 p.
2. Khalidova, M.R. *Mifologicheskii i istoricheskii epos narodov Dagestana* [Mythological and historical epic of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, DNC RAN, 1992. 273 p.
3. *Antichnye istochniki o Severnom Kavkaze* [Ancient sources about the North Caucasus]. Nalchik, Elbrus, 1990. 307 p.
4. Gadlo, A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus IV–X centuries]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1979. 216 p.
5. Minorsky, V.F. *Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vekov* [The history of Shirvan and Derbent of the X–XI centuries]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury, 1963. 265 p.
6. Lavrov, L.I. *Arkheologicheskie razvedki v Dagestane 1947 i 1950 gg.* [Archaeological exploration in Dagestan in 1947 and 1950]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow-Leningrad, 1953, vol. 14, pp. 256–262.
7. Bulatova, A.G. *Traditsionnye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX – nachale XX veka* [Traditional holidays and rituals of the peoples of mountainous Dagestan in the XIX – early XX century]. Leningrad, Nauka, 1988. 200 p.
8. Chibirov L.A. *K osetino-dagestanskim etnokul'turnym svyazyam* [On Ossetian-Dagestan ethno-cultural relations]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2007, no. 4(12), pp. 56–63.

9. Mikailov, K.Sh. *Alanskii vklad v avarskuyu antroponimiyu* [Alan contribution to Avar anthroponymy]. *Materialy pyatoi respublikanskoi nauchnoi sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberiisko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth republican scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1977, pp. 132–140.
10. Mikailov, K.Sh. *Eshche neskol'ko dagestanskikh alanizmov* [A few more Dagestan Alanisms]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 333–338.
11. Adzhiev, A.D. *Nartskii prozaicheskii fol'klor kumykov i ego mesto v kavkazskoi nartiade* [Nart prose folklore of Kumyks and its place in the Caucasian Nartiada] *Dagestanskaya narodnaya proza* [Dagestan folk prose]. Makhachkala, Dag. fil. AN SSSR, 1982, pp. 4–23.
12. Dalgat, U.B. *K voprosu o nartskom epose narodov Dagestana* [On the question of the Nart epic of the peoples of Dagestan]. *Nartskii epos. Sbornik statei* [Nart epic. Collection of articles]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute, 1957, pp. 154-174
13. Ganieva, A.M. *Ocherki ustno-poeticheskogo tvorchestva lezgin* [Essays of oral and poetic creativity of Lezgins]. Moscow, Nauka, 2004. 237 p.
14. Dalgat, U.B. *Nartskii epos narodov Kavkaza. Izbrannyetrudy* [The Nart epic of the peoples of the Caucasus. Selected works]. Groznyi, Groznenskij rabochii, 2015. 639 p.
15. Skakov, A.Yu. “Nartovskie nykhasy” Kavkaza [“Nart nyhas” of the Caucasus]. *Miroponimanie drevnikh I traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati V.N. Cherentsova. Sbornik statei* [Worldview of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of V.N. Cherentsov. Collection of articles]. Moscow, Ros. akad. nauk, In-t arheologii, 2006. pp. 282-312.
16. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos* [Narty. Ossetian heroic epic]. Moscow, Izd-vo RAN, 1989, book 2. 492 p.
17. *Skazaniya o nartakh. Osetinskii epos* [Tales of the Narts. Ossetian epic]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1978. 512 p.
18. Miller, V.F. *Fol'klor narodov Kavkaza. Teksty. Issledovaniya* [Folklore of the peoples of the Caucasus. Texts. Research]. Moscow, Nauka, 2008. 997 p.
19. Dumézil, G. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian epic and Mythology]. Moscow, Nauka, 1976. 276 p.
20. Anuchin, D.N. *Otchet o poezdke v Dagestan letom 1882 goda, sovershennyi pri sodeistvii Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Report on a

trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina, 1884. 93 p.

21. Khalilov, Kh.I., Kassiev, E.Yu. (comps). *Lakskie narodnye skazki* [Lak folk tales]. Makhachkala, Daguchpedgiz, 1989. 216 p.

22. *Satira i yumor narodov Dagestana* [Satire and humor of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, Dagestanskoe kn. izd-vo, 1976. 400 p.

23. Aglarov, M.A. *Andiitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Andians. Historical and ethnographic research]. Makhachkala, Yupiter, 2002. 304 p.